

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

УДК 82.0:801.6

Жигалов А.Ю.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

РУССКАЯ ПРАГА: СРЕДНЕВЕКОВАЯ КНИЖНОСТЬ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ 1920-1930 ГГ.

Аннотация. В статье, в форме тезисов, рассматривается история изучения древнерусской литературы в Чехословацкой республике 1920-1930 годов русскими исследователями-эмигрантами. В этой связи особую значимость приобретают сведения биобиблиографического характера, касающиеся деятельности отдельных учёных, внёсших значимый вклад в развитие медиевистики, их трудов по истории средневековой книжности, изданных в межвоенный период на территории ЧСР. Кроме того, статья посвящена русско-чехословацким культурным и научным контактам в целом, а также феномену Русской Праги, ставшей в 20-30 гг. XX в. не только прибежищем эмиграции, но и центром развития европейской гуманитарной мысли.

Ключевые слова: эмиграция, Чехословакия 1920-1930 гг., Русская Прага, медиевистика, история изучения древнерусской литературы.

A. Zhigalov

Lomonosov Moscow State University

RUSSIAN PRAGUE: THE STUDY OF OLD RUSSIAN LITERATURE (WORKS OF EMIGRANTS SCIENTISTS)

Abstract. The article considers the history of study of Old Russian literature in Czechoslovak republic in 1920-1930s by Russian researchers-emigrants. Thereby the biobibliographical information becomes especially important. It concerns the work of some scientists, who have made a contribution to the progress of study of Old Russian Literature, their works about the history of medieval studies, published in the interwar period in Czechoslovak republic. The article is devoted to Russian-Czechoslovak cultural and scientific contacts, the phenomena of Russian Prague. In 1920-1930s Prague became the center of Europe for humanities and emigration.

Key words: emigration, the Czechoslovak republic in 1920-1930s, Russian Prague, the history of study Old Russian Literature.

© Жигалов А. Ю., 2014.

История изучения древнерусской литературы – одна из старейших областей гуманитарного знания, и тем не менее в ней остаётся немало нерешённых вопросов. После революции 1917 года процесс обращения к памятникам средневековой книжности приобрёл новые формы. В силу этого актуальность сохранили не все традиционные методы, принятые в медиевистике – появились неизвестные прежде трактовки ряда произведений, оказались искусственно забытыми некоторые жанры, практически утраченными – отдельные имена. Но дореволюционные научные школы получили своё развитие за пределами бывшей империи, когда их представители населили «острова» русской цивилизации по всему свету. Один из «оазисов» находился неподалёку от СССР, в сердце Европы и славянского мира: Прага стала прибежищем для многочисленных учёных. Именно там в 20-х-30-х гг. прошлого века сложилась уникальная академическая среда, благотворная для изучения русской литературы XI-XVII вв., древнейших и лучших её образцов. Исследования эмигрантов оказывали активное влияние на чехословацких учёных, вызывали их отклики в виде новых работ. В ситуации сотрудничества и сотворчества создавалось совершенно особое научное пространство, открытое и для третьей группы участников – советских медиевистов, которые могли публиковаться в ЧСР по крайней мере до начала 1930-ых годов.

История изучения литературного наследия Древней Руси – мозаичный, но обладающий внутренней связностью процесс, затрагивающий и русское зарубежье, и метрополию. Его отражение будет неполным без учёта деятельности

иностраных славистов и эмигрантов, трудов, написанных в изгнании. А основным центром притяжения учёных-беженцев между мировыми войнами стала молодая Чехословацкая республика, хотя после первой волны эмиграции представители русской интеллигенции принимали многие страны: Франция, Германия, Латвия, Болгария, Югославия, Польша, Австрия, Китай и др. «Praze v tñ době říkali Ruské Oxford» (Прагу в этот период называли Русским Оксфордом – перевод наш. – А. Ж.), – замечает современный исследователь Любовь Белошевская [3, с. 467]. Действительно, Русская Прага обладала своим неповторимым характером, как и Париж, Берлин, Рига, София, Белград, Варшава, Вена, Харбин и т. д.

Польский славист, профессор Опольского университета Бронислав Кодзис, автор работ о литературе и культуре эмиграции первой волны, справедливо указывает не только на многочисленность центров русской диаспоры в Европе, но и на неоспоримое своеобразие, уникальность каждого из них. О специфике этих «островов» говорят и другие исследователи. Глеб Струве, например, полагает: «Если Париж... стал политическим центром русского зарубежья... то его... литературной столицей... был Берлин» [2, с. 32]. Прага же в межвоенный период являлась подлинной академической столицей эмиграции, «důležitým střediskem ruské, ukrajinské a běloruské vzdělanosti a vědy» (важным центром русской, украинской и белорусской образовательной и научной деятельности – перевод наш. – А. Ж.) [4, с. 1]. Значительную часть «русских пражан» составляли учёные, литераторы, журналисты, педагоги и студенты – пред-

ставители интеллектуальных кругов, многие из которых имели блестящее образование. Были среди них и талантливые медиевисты, исследователи древнерусского духовного наследия – произведений средневековой словесности, иконографии, архитектуры и других видов искусства. Обратимся лишь к основным именам.

Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович. Опубликовал «Очерки истории русской литературы» (Прага, 1922), в которых внимание уделяется и произведениям XI-XVII вв.

Андреев Николай Ефремович. Окончил Карлов университет (Univerzita Karlova v Praze), там же защитил докторскую диссертацию «О протопопе Аввакуме». Его работы по истории и искусству Древней Руси издавались в сборнике «Seminarium Kondakovianum». Был одним из авторов филологического журнала «Slavia», в 1935 г. опубликовал в нём рецензию на книгу Е.А. Ляцкого «Слово о полку Игореве» (№ 13/2-3).

Бем Альфред Людвигович. Особого внимания медиевистов заслуживает его книга «Лекции по истории древней русской литературы...», на страницах которой автор приводит обзор важнейших литературных памятников Средневековья (Прага, 1923).

Вилинский Сергей Григорьевич. Изучал произведения древнерусской церковной литературы: известен как автор фундаментального исследования «Житие святого Василия Нового» (Одесса, 1913). В 1925 г., уже в Праге, он издал «Конспект лекций по истории русской литературы...», содержащий и основные сведения о «книгах ветшанных».

Висковатый Константин Константинович. На страницах «Славии» опубликовал работы, значимые

для медиевистики: «О «Секуле Дракуловиче» югославянск. нар. песен» (№14/1-2, 1935-1936) и «К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека» (№17/1-2, 1939).

Дурново Николай Николаевич. На протяжении пяти лет жил в ЧСР и вёл лингвистические исследования. Однако при этом нередко обращался к древним литературным памятникам. Примером служит работа «К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола», опубликованная в журнале «Slavia» (№ 4/3, 1925).

Колесса Олександр. В 1929 г. в Праге состоялся I Международный съезд славистов, по итогам которого был издан сборник докладов. Колесса опубликовал в нём работу на украинском языке, посвящённую апокрифам.

Ляцкий Евгений Александрович. Выпускник Московского университета, он известен как выдающийся исследователь «Слова о полку Игореве». В Праге были опубликованы три его книги, посвящённые этому произведению. Композиция и стиль «Слова...» подробно анализируются в монографии «Слово о полку Игореве...» (1934). Спустя три года под редакцией Ляцкого был издан текст «Слова...», предназначенный для школьного изучения. Наконец, в 1943 г. вышел в свет стихотворный перевод «Слова...», подготовленный учёным.

Перфецкий Евгений Юлианович работал в Братиславском университете имени Коменского (Univerzita Komenského v Bratislavě). В круг основных интересов исследователя входили вопросы изучения истории восточной Европы. Особое внимание Перфецкий уделял эпохе средних веков. При этом анализировал различные источ-

ники, в том числе и летописные своды («Русские летописные своды и их взаимоотношения» (Братислава, 1922), «K otázke doby vzniku letopisného svodu Nikonovského» (Bratislava, 1931) и др.), обращался к методологии академика Шахматова, «последним и любимым учеником» которого он был [1, с. 342].

Погорелов Валерий Александрович. Главный объект его исследований – древнейшие переводные славянские памятники (в том числе и средневековые русские тексты). Кроме того, он подвергал анализу оригинальные произведения, а также межлитературные связи, отразившиеся в них. Известна работа Погорелова «Rusky letopis Nestorov a Slovensko», опубликованная в братиславском журнале «Kultura» (№ 5, 1933) и посвящённая «Повести временных лет». Изучал Саввину книгу.

Францев Владимир Андреевич. В 1810 г. Йозеф Юнгманн перевёл на чешский язык «Слово о полку Игореве»; спустя более ста лет, в 1932 г., Славянский институт в Праге издал анализ этого перевода, подготовленный Францевым. Он был постоянным автором журнала «Slavia», активным участником Международных съездов филологов-славистов, первый из которых проходил в Праге в 1929 г.

Чижевский Дмитрий Иванович. Его работы о стиле галицко-волынских и русских летописей широко известны науке. Ценными для медиевистов могут быть отдельные фрагменты книг Чижевского по истории украинской литературы («Історія української літератури» (Прага, 1942) и др.)

Яворский Юлиан Андреевич интересовался древнейшей русской литературой, особенно памятниками книжности Галицкой и Подкарпатской Руси.

В 1928 г. в журнале «Slavia» опубликовал статью «Галицко-русская вирша о злой жене», посвящённую источникам сатирического произведения (№ 7/4). На страницах «Славии» появилась и работа Яворского «К вопросу о литературной деятельности Ермолая Еразма...» (№ 9/ 1-2, 1930-1931).

Итак, мы назвали тех, кто внёс значимый вклад в развитие пражской медиевистики, оставил свой след в культуре Русской Праги. Однако дело не ограничивалось только филологическим изучением средневековой книжности – ряд учёных обращался к древним источникам, исходя из иных методологических принципов. Памятники XI-XVII вв. рассматривались историками, географами, юристами, проживавшими в ЧСР. В чём же причина подобного интереса? Очевидно, в том, как позиционировали себя «русские пражане», в их самоидентификации. Они считали себя носителями великой культуры, обязанными сохранить русское искусство и глубокие научные традиции. В среде хранителей духовного наследия, оказавшихся на чужбине, литературное богатство Древней Руси могло расцениваться как один из важнейших символов покинутой России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб., 2011. – 928 стр.
2. Струве Г. Литература в изгнании. Париж, М., 1996. – 448 стр.
3. Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace // Slavia. Roč. 68. Praha, 1999. S. 467-470.
4. Vacek J. Ёvod // Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918-1945 гг. Т. I, ч. 1. Прага, 1996. С. I-IV.